

Научная статья
УДК 343.97

doi: 10.17223/23088451/26/2

КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ПРОФЕССОРА С.А. ЕЛИСЕЕВА

Александр Викторович Шеслер¹, София Сергеевна Шеслер²

¹ Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, Новокузнецк, Россия, sofish@inbox.ru
² Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, Томск, Россия, sofish@inbox.ru

Аннотация. Анализируются основные криминологические работы доктора юридических наук, профессора С.А. Елисеева, более двадцати лет заведовавшего кафедрой уголовного права Томского государственного университета. Утверждается, что С.А. Елисеев первоначально состоялся в науках криминального цикла именно как ученый-криминолог. Выделяется авторский подход ученого к исследованию корыстной преступности с позиций доминирующего в 1970–1980-е гг. представления о предмете криминологии, в который входят преступность, представляющая совокупность преступлений, совершенных на определенной территории, в определенный промежуток времени, личность преступников, совершивших эти преступления, их причины и условия, предупреждение преступлений. Установлено, что в основу выделения корыстной преступности ученый положил корыстный мотив, по которому совершаются корыстные преступления, представляющий стремление виновного получить нетрудовую выгоду имущественного характера. Отмечается осуществленная ученым характеристика основных статистических показателей корыстной преступности в досоветский и советские периоды российского общества (состояния, структуры, динамики, вреда, тенденций), причин и условий корыстной преступности, обуславливающих сохранение корысти, криминологического «портрета» личности корыстного преступника, а также характеристика типов корыстных преступников (прежде всего злостных и случайных). Отмечается, что в качестве основного объекта предупреждения корыстной преступности исследователь указывает социальную среду, формирующую корыстную мотивацию на совершение преступлений либо способствующую ее сохранению или проявлению.

Ключевые слова: корыстная преступность, причины и условия корыстной преступности, личность корыстного преступника, предупреждение корыстной преступности

Для цитирования: Шеслер А.В., Шеслер С.С. Криминологическое наследие профессора С.А. Елисеева // Уголовная юстиция. 2025. № 26. С. 9–13. doi: 10.17223/23088451/26/2

Original article
doi: 10.17223/23088451/26/2

PROFESSOR SERGEY A. ELISEEV: HIS CRIMINOLOGICAL LEGACY

Alexander V. Shesler¹, Sofya S. Shesler²

¹ Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Novokuznetsk, Russian Federation, sofish@inbox.ru
² Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics, Tomsk, Russian Federation, sofish@inbox.ru

Abstract. This analysis examines the principal criminological works of Doctor of Juridical Sciences, Professor Sergey A. Eliseev, who headed the Department of Criminal Law at Tomsk State University for over two decades. It establishes that Professor Eliseev initially made his mark in the criminal sciences precisely as a criminologist. The study highlights the author's distinctive approach to researching profit-driven crime, which was grounded in the predominant understanding of criminology's subject matter during the 1970s–1980s. This paradigm encompassed crime as an aggregate of offenses committed within a specific territory and timeframe, the personality of offenders, the causes and conditions of crime, and its prevention. It is established that the scholar based his delineation of profit-driven crime on the core motive of material gain—the offender's pursuit of unlawful property benefit. The analysis notes his comprehensive characterization of key statistical indicators of profit-driven crime in pre-Soviet and Soviet Russian society (including its scale, structure, dynamics, impact, and trends), its causes and conditions, and a criminological "portrait" of the profit-driven offender, including a typology distinguishing primarily between habitual and situational offenders. Finally, the work notes the researcher's conclusion that the primary focus for preventing profit-driven crime should be the social environment which forms, sustains, or facilitates the criminal motivation for material gain.

Keywords: profit-driven crime, causes and conditions of profit-driven crime, profile of the profit-driven offender, prevention of profit-driven crime

For citation: Shesler, A.V. & Shesler, S.S. (2025) Professor Sergey A. Eliseev: His criminological legacy. *Ugolovnaya justitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 26. pp. 9–13. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/26/2

Сергей Александрович Елисеев был одним из тех преподавателей-исследователей, кто внес заметный вклад в развитие криминологических исследований в Томском государственном университете. По сути, С.А. Елисеев состоялся первоначально в науке именно как ученый-криминолог.

Основным объектом его исследований как криминолога была корыстная преступность, представленная прежде всего преступлениями против собственности. Такой научный интерес ученого был вполне оправдан, так как более половины всех регистрируемых преступлений в бывшем СССР составляла именно корыстная преступность.

Эти исследования характеризовались доминирующим в криминологической науке подходом, в соответствии с которым изучение любого вида преступности включало в себя четыре элемента, составляющих предмет криминологии, а именно: преступность, представляющую совокупность преступлений, совершенных на определенный территории и в определенный промежуток времени, личность преступников, совершивших эти преступления, их причины и условия, предупреждение преступлений.

В основу выделения корыстной преступности С.А. Елисеев положил понятие корыстного мотива, по которому совершаются преступления, образующие корыстную преступность. Под корыстным мотивом исследователь понимал побуждение, выражающее стремление виновного к нетрудовой имущественной выгоде для себя или других лиц, в судьбе которых он заинтересован [1. С. 23–26]. Данный мотив он отличал от корыстной цели, состоящей в субъективном образе желаемого преступником результата в виде незаконного получения им имущественных благ. Корыстная цель вместе с корыстным мотивом, по мнению С.А. Елисеева, составляла психологический механизм преступления, его корыстной мотивации [1. С. 25–26].

На основе такого вывода исследователь утверждал, что корыстную преступность составляют две группы преступлений: те, в которых корыстный мотив представлен стремлением виновного получить нетрудовую выгоду имущественного характера (прежде всего преступления против социалистической и личной собственности), и те, в которых корыстный мотив представлен стремлением виновного получить имущественную выгоду путем нарушения социалистического принципа распределения материальных благ по труду (стремление удовлетворить свои материальные потребности за счет общества в целом, общественно-полезной деятельности других людей) [1. С. 26–30].

Классификацию корыстных преступлений как типового криминологического явления ученый осуществлял по различным основаниям, а именно: по способу, выделяя насильственные и ненасильственные преступления (исходя из применения или неприменения физического либо психического насилия к потерпевшим при реализации корыстного мотива); по типу местности и разновидности населенных пунктов (совершаемые в сельской местности, в городе, поселках городского типа и т.д.); по социально-ролевым и социально-демографическим

признакам лиц, совершающих корыстные преступления (совершаемые мужчинами, женщинами, несовершеннолетними, использующими служебное положение и т.д.); по признаку рецидива (впервые совершенные и совершенные рецидивистами); по особенностям мотивационного процесса (с ситуативной корыстной мотивацией и устойчивой корыстной мотивацией); по объекту посягательства (имущественные корыстные преступления и иные) [1. С. 31–32].

В целом, классификация корыстных преступлений по выделенным основаниям возражений не вызывает. Однако вряд ли можно согласиться с их разделением на ненасильственные и насильственные, так как последние совершаются со смешанной мотивацией (корыстно-насильственной) и образуют самостоятельный вид преступности – корыстно-насильственную преступность.

Особый интерес представляли выводы С. Елисеева об общественной опасности корыстной преступности, которую автор применительно к советскому периоду усматривал в значительном имущественном ущербе социалистической экономике, гражданам, в социально-психологическом ущербе, нарушающем принцип распределения имущественных благ в социалистическом обществе по труду, а также в сохранении в советском обществе несвойственных ему взглядов на удовлетворение материальных потребностей за счет общественно полезного труда законопослушных граждан [1. С. 3–6, 28–29].

Весьма поучительно для государства, как основного субъекта специального предупреждения корыстной преступности, историческое исследование С.А. Елисеева о ее состоянии в различные периоды развития российского общества. Так, говоря об особенностях этой преступности в царской России, исследователь подчеркивал, что такая ее часть, как имущественная преступность, составляла наибольший удельный вес в общей структуре зарегистрированной преступности, что составляющие ее преступления совершались в основном мужчинами, находившимися в социально активном возрасте (до 40 лет), рецидивистами, лицами, занятыми сельскохозяйственным трудом.

Ученый установил зависимость между динамикой таких преступлений и социальными процессами в царской России. Он отмечал, что в период Первой мировой войны возросло число краж в городах и снизилось в деревнях, заметно уменьшилось число грабежей и разбоев. Данное обстоятельство он связал с мобилизацией в армию мужчин социально активного возраста и их заменой в промышленной сфере подростками и женщинами, в том числе из сельской местности, которые были склонны в большей мере, чем мужчины, к совершению корыстных ненасильственных преступлений [2. С. 4–12].

Достаточно объективной и критичной была оценка С.А. Елисеевым состояния корыстной преступности, ее причин и мер противодействия ей в советский период. С одной стороны, исследователь отмечал позитивные тенденции в корыстной преступности, ее сокращение в 1950–1960-е гг., обусловленное позитивными социальными изменениями в послевоенное время [2. С. 20–21; 3. С. 14–15; 4. С. 85–89].

С другой стороны, он указал на очевидные ошибки государства в борьбе с корыстными преступлениями и на заметный рост корыстных преступлений со второй половины 1980-х гг. К числу ошибок он отнес прежде всего чрезмерно суровую карательную политику в отношении совершивших хищения социалистической собственности и снижение возраста уголовной ответственности до 12 лет [2. С. 19, 22–23; 3. С. 14–15].

Усиление суровости карательной политики связано с принятым 7 августа 1932 г. Постановлением Центрального исполнительного комитета и Совета Народных Комиссаров СССР «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности», предусматривавшим лишение свободы на срок не менее 10 лет с конфискацией имущества, а при отягчающих обстоятельствах – расстрел виновного с конфискацией его имущества (в памяти народной оно осталось как «Закон о трех колосках» и «Указ 7-8»). Суровость такой политики проявилась в том, что свыше половины расхитителей были осуждены к длительным срокам лишения свободы при незначительных размерах хищения. Вынужденный характер такой меры в Постановлении объяснялся тем, что общественная собственность (государственная, колхозная, кооперативная) является основой советского строя, она священна и неприкосновенна. Соответственно, люди, покушающиеся на общественную собственность, рассматривались как враги народа.

Снижение возраста уголовной ответственности было установлено Постановлением ЦИК и СНК от 5 апреля 1935 г. «О мерах борьбы с преступностью несовершеннолетних» за кражу, причинение насилия, телесных повреждений, увечий, убийство. Необходимость принятия этого Постановления объяснялась целью «быстрейшей ликвидации преступности среди несовершеннолетних». Безусловно, такая позиция вытекала из преувеличения силового воздействия на преступность и недооценки общесоциальных мер, связанных с улучшением условий жизни подрастающего поколения.

Помимо заметного роста корыстной преступности автор констатировал наличие в ней целого ряда негативных тенденций. В частности, в работах С.А. Елисеева указывалось на увеличение среди осужденных за корыстные преступления числа рецидивистов (ранее осужденных за аналогичные преступления), несовершеннолетних, женщин, совершивших кражи личного имущества, сельских жителей, осужденных за кражи социалистического имущества, лиц, осужденных за групповые хищения, лиц, совершивших хищения при квалифицирующих признаках (с проникновением в квартиру, помещение или иное хранилище и т.д.), лиц, совершивших корыстно-насильственные преступления (насильственные грабежи, разбой, вымогательство), лиц, совершивших преступления по примитивным мотивам потребительского характера (например, по мотиву достать средства на спиртное) [2. С. 24–38].

Причины существования корыстной преступности исследователь увязал как с негативными явлениями в социальной среде, в которой формируется личность

преступника, так и со сформированной корыстной мотивацией лиц, совершивших такие преступления. Соответственно, ученый выделял причины корыстной преступности в целом, вытекающие из противоречий общественного развития и обуславливающие сохранение такого негативного социально-психологического явления, корысть, стремление удовлетворить свои материальные потребности за счет труда других людей, общества, и причины конкретного корыстного преступления, обусловленного корыстной мотивацией, сформированной под влиянием ближайшего социального окружения [1. С. 68–92].

Такой вывод автор сделал при тщательном изучении подходов к объяснению обуславливания преступности учеными как дореволюционного, так и советского периода. Причем С.А. Елисеев бережно отнесся к криминологическому наследию прошлого, воздав должное вкладу в развитие криминологической мысли каждого из ученых независимо от приверженности его определенным концепциям причин преступности (социальной, биосоциальной, объективного или субъективного детерминизма и т.д.) [2. С. 39–92].

Следует обратить также внимание на достаточно емкое описание С.А. Елисеевым личности преступников, совершивших преступления по корыстным мотивам. Криминологический «портрет» такой личности исследователь дает через ее социальные и нравственно-психологические характеристики. В его исследованиях отмечался большой удельный вес лиц, не занятых общественно-полезным трудом (не работавших и не учившихся), причем в трудоспособном возрасте (до 40 лет), не имеющих постоянного места жительства и ранее осужденных за корыстные преступления; преобладание среди работавших преступников лиц с низкой профессиональной квалификацией и занятых низкоквалифицированным трудом, а также лиц, не состоящих в браке (лишь треть из осужденных имели семью).

Отмечая высокий образовательный уровень корыстных преступников (лишь 5% из них имели только начальное образование или были малограмотными), исследователь справедливо указывает, что сам по себе низкий образовательный уровень не имеет криминогенного значения, и, напротив, высокий образовательный уровень имеет антикриминогенное значение только в сочетании с высоконравственным развитием личности [1. С. 36–43].

Ценность такой социальной характеристики корыстных преступников состоит в том, что она позволяет, во-первых, субъектам предупреждения корыстной преступности выявить категории лиц, которые должны быть преимущественно объектом предупредительного воздействия, во-вторых, обратить внимание на основные криминогенные и антикриминогенные факторы такой преступности, на которые, соответственно, должно оказываться предупредительное воздействие или на которые такое воздействие должно опираться.

Проанализировав нравственно-психологический облик корыстного преступника, С.А. Елисеев приходит к выводу о том, что его основу составляет паразитизм,

стремление удовлетворить свои материальные потребности за счет членов общества, труда других людей [1. С. 43–50; 5. С. 8–13]. Такой подход объясняет причину формирования конкретного корыстного преступления, которая воплощается в корыстной мотивации.

Особенности различных корыстных мотивов стали для ученого теоретической основой для классификации корыстных преступников на случайных и злостных. Случайных преступников он характеризует как лиц с общей положительной направленностью, совершивших корыстные преступления под сильным влиянием конкретной жизненной ситуации (неожиданной, экстраординарной, неблагоприятной и затяжной). Злостных преступников ученый характеризует как лиц с устойчивым паразитизмом, укоренившейся, осознанной установкой на удовлетворение своих материальных потребностей за счет членов общества, труда других людей [1. С. 43–50].

Достаточно спорным, но вызывающим научный интерес представляется выделение промежуточной группы корыстных преступников между случайными и злостными преступниками. Автор характеризует их как лиц, совершающих корыстные преступления под воздействием благоприятной для этого ситуации [1. С. 36–43]. Полагаем, что исследователь не указал этим достаточно четких критериев отличия таких ситуативных преступников от преступников случайных, так как и те и другие преступники совершают преступления под воздействием конкретной жизненной ситуации, способствующей проявлению их корыстной мотивации.

Логичным является подход С.А. Елисеева к предупреждению корыстной преступности. В связи с тем что он рассматривал социум как среду, в которой формируется личность преступника, в качестве объекта предупредительного воздействия в его исследованиях указывались причины и условия корыстной преступности. Исходя из этого, ученый отмечал необходимость улучшения материального благосостояния советских людей, которое должно быть тесно увязано с их позитивным нравственным воспитанием, формированием духовных и разумных материальных потребностей.

Поскольку субъективным источником конкретного корыстного преступления является стремление виновного получить нетрудовую выгоду имущественного характера за счет других людей, общества в целом (корыстная мотивация), которое проявляется под воздействием конкретных жизненных обстоятельств (способствующих или провоцирующих совершение корыстного

преступления), ученый указывал на необходимость предупредительных мер в отношении личности корыстного преступника и указанных обстоятельств.

Среди мер предупреждения, которые должны воздействовать на ликвидацию корыстной мотивации преступников и лиц, склонных к совершению корыстных преступлений, исследователь указывал на борьбу с уклонением их от трудовой деятельности (тунеядством), бродяжничеством, попрошайничеством, ведением ими иного паразитического образа жизни, пьянством. В его исследованиях справедливо подчеркивалось, что такая предупредительная работа должна проводиться с учетом личности, в частности, с учетом того, что корыстная мотивация у них может отличаться по глубине (быть стойкой или нестойкой) и направленности (в виде стремления получить нетрудовую выгоду имущественного характера или в виде стремления получить имущественную выгоду путем нарушения социалистического принципа распределения материальных благ по труду).

Особое внимание в его работах обращалось на предупреждение рецидива преступлений в отношении лиц, освобожденных из исправительно-трудовых учреждений, половина из которых отбывали наказание в виде лишения свободы именно за корыстные преступления. Отмечалось, что для закрепления результатов исправительного воздействия этим лицам необходимо оказать помощь в решении сложных жизненных проблем, связанных с поиском жилья, устройством на работу, восстановлением социально полезных связей, прежде всего с семьей.

Предупредительное воздействие на конкретные жизненные обстоятельства (способствующие или провоцирующие совершение корыстного преступления) ученый связывал прежде всего с участием в предупреждении преступности общественности, составлявшей в советский период основу политической системы советского общества (воспитательное воздействие трудового коллектива, общественных организаций) [1. С. 94–109].

Подводя итог анализу криминологических исследований С.А. Елисеева, можно сделать вывод о том, что они составили хорошую основу для исследования особенностей корыстной преступности и ее отдельных видов не только в позднесоветский, но и в постсоветский период, причем как с точки зрения методики изучения этой преступности, так и с точки зрения конкретных научных результатов.

Список источников

1. Елисеев С.А. Вопросы теории и практики предупреждения корыстных преступлений. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1989. 110 с.
2. Елисеев С.А. Имущественная преступность в России XIX–XX веков (основные черты, концепции причин, предупреждения). Томск : Изд-во Том. ун-та, 2021. 112 с.
3. Елисеев С.А., Прокументов Л.М. Общеуголовные корыстные преступления: криминологическая характеристика, уголовная ответственность. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1991. 122 с.
4. Елисеев С.А. Преступления против собственности по уголовному законодательству России (историко-теоретическое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук. Томск : Том. гос. ун-т, 1999. 337 с.
5. Елисеев С.А. Личность корыстного преступника. Ее криминологическое и уголовно-правовое значение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск : Том. гос. ун-т, 1980. 18 с.

References

1. Eliseev, S.A. (1989) *Voprosy teorii i praktiki preduprezhdeniya korystnykh prestuplenii* [Issues of theory and practice of preventing profit-driven offences]. Tomsk: Tomsk State University.

2. Eliseev, S.A. (2021) *Imushchestvennaya prestupnost' v Rossii XIX–XX vekov (osnovnye cherty, kontseptsii prichin, preduprezhdeniya)* [Property Crime in Russia in the 19th–20th Centuries (Main Features, Concepts of Causes, Prevention)]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Eliseev, S.A. & Prozumentov, L.M. (1991) *Obshcheugolovnye korystnye prestupleniya: kriminologicheskaya kharakteristika, ugolovnaya otvetstvennost'* [Common profit-driven offences: Criminological characteristics, criminal liability]. Tomsk: Tomsk State University.
4. Eliseev, S.A. (1999) *Prestupleniya protiv sobstvennosti po ugolovnomu zakonodatel'stvu Rossii (istoriko-teoreticheskoe issledovanie)* [Crimes Against Property under the Criminal Legislation of Russia (Historical-Theoretical Research)]. Law Dr. Diss. Tomsk: Tomsk State University.
5. Eliseev, S.A. (1980) *Lichnost' korystnogo prestupnika. Ee kriminologicheskoe i ugolovno-pravovoe znachenie* [The profile of the profit-driven offender. Its criminological and criminal law significance]. Law Cand. Diss. Tomsk: Tomsk State University.

Информация об авторах:

Шеслер А.В. – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Кузбасского института Федеральной службы исполнения наказаний (Новокузнецк, Россия). E-mail: sofish@inbox.ru

Шеслер С.С. – доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин и правоохранительной деятельности Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники (Томск, Россия) E-mail: sofish@inbox.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.V. Shesler, Dr. Sci. (Law), full professor, professor at the Department of Criminal Law Disciplines, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Novokuznetsk, Russian Federation). E-mail: sofish@inbox.ru

S.S. Shesler, docent, Cand. Sci. (Law), associate professor at the Department of State-Legal Disciplines and Law Enforcement, Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (Tomsk, Russian Federation). E-mail: sofish@inbox.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.10.2025;
одобрена после рецензирования 05.12.2025; принята к публикации 19.12.2025.*

*The article was submitted 28.10.2025;
approved after reviewing 05.12.2025; accepted for publication 19.12.2025.*